

ЛУЧШИЕ ИСТОРИИ ДЕТЕКТИВНОГО ЖАНРА

ОТ КУЛЬТОВЫХ АВТОРОВ,
ЧЬИ ПРОИЗВЕДЕНИЯ СТАЛИ КЛАССИКОЙ

Джозеф Шеридан Ле Фаню — признанный мастер литературы ужасов и один из лучших авторов готической прозы. Его называли «ирландским Эдгаром По». В мистических историях писателя переплетены таинственное и сверхъестественное, а зловещие преступления влекут за собой неумолимое возмездие. Роман «Кармилла» принес автору мировую популярность и был неоднократно экранизирован. Сам Брэм Стокер вдохновлялся им во время написания «Дракулы».

Лора с отцом мирно живут в роскошном замке, среди живописных австрийских пейзажей. Ничто не тревожит их покой. Но однажды в замке появляется таинственная незнакомка. Она невероятно красива, а в глазах ее будто пляшут языки темного пламени. Гостью назвала Кармиллой, графиней Карнштейн. Между Лорой и молодой графиней завязывается дружба. Со временем отец замечает, что Лора теряет жизненные силы, её словно сжигает изнутри странная болезнь. Безутешный отец все пристальнее присматривается к загадочной графине, принесшей горе в их дом... Кто она такая? Какую жуткую тайну хранит этот томный взгляд? И о чем молчат алые, будто от крови, уста?..

ISBN серии

ISBN 978-617-12-4727-7

www.bookclub.ua

ISBN 978-617-12-6071-9

ШЕРИДАН ЛЕ ФАНЮ

КАРМИЛЛА

ЗОЛОТОЙ ВЕК
ДЕТЕКТИВА

ШЕРИДАН
ЛЕ ФАНЮ

КАРМИЛЛА

ЗОЛОТОЙ ВЕК
ДЕТЕКТИВА

ШЕРИДАН ЛЕ ФАНЮ

КАРМИЛЛА

Роман

ХАРЬКОВ КЛУБ
2019 СЕМЕЙНОГО
ДОСУГА

УДК 821.111(73)
Ф22

Никакая часть данного издания не может быть скопирована или воспроизведена в любой форме без письменного разрешения издательства

Печатается по изданию:

Лучшие истории о привидениях. — М. : Terra — Книжный Клуб, 1998. — 552 с.

Английская готическая проза. Том 2. — М. : Terra — Книжный Клуб, СКЦ Норд, 1999. — 336 с.

Шеридан Ле Фаню, Дж. Дом у кладбища : роман; «Дух мадам Краул» и другие таинственные истории : сб. рассказов / Джозеф Шеридан Ле Фаню : пер. с англ. — М. : Ладомир, 2003. — 576 с. — (Серия «Готический роман»).

Дом с призраками. Английские готические рассказы. — СПб. : Азбука-классика, 2004. — 576 с. — (Серия «Азбука-классика»).
Проклятый остров. Антология. — СПб. : Азбука, 2011. — 352 с. — (Серия «Азбука-классика»).

Шеридан Ле Фаню, Дж. Призрачные любовники : повесть, рассказы / Джозеф Шеридан Ле Фаню ; пер. с англ. Л. Бриловой. — М. : Эксмо, 2011. — 256 с.

Перевод с английского:

Людмила Брилова, Елена Токарева, Наталья Роговская

Дизайнер обложки *Анастасия Попова*

ISBN 978-617-12-4727-7 (серия)
ISBN 978-617-12-6071-9

- © Depositphotos.com / Demian, Avella2011, обложка, 2019
- © Л. Ю. Брилова, перевод на русский язык, 2019
- © Н. Ф. Роговская, перевод на русский язык, 2019
- © Е. О. Токарева, перевод на русский язык, 2019
- © Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», художественное оформление, 2019
- © Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», издание на русском языке, 2019

КАРМИЛЛА

Пролог

В записке, которая была приложена к нижеследующему повествованию, доктор Гесселиус дает подробный комментарий и ссылается на свой трактат, посвященный тому же предмету, что и данный манускрипт.

Трактат, свидетельствующий, как и все прочие труды доктора, о наблюдательности, проницательности и обширных познаниях автора, примечателен еще и тем, что таинственные явления анализируются в нем сжато и с недвусмысленной ясностью. Надобно заметить, что в собрании трудов этого поразительного по своей эрудированности человека данный трактат составит всего лишь один том из многих его научных изысканий.

Публикуя рассказ остроумной леди исключительно ради развлечения публики, я считаю неуместным чем-либо его предварять; таким образом, по зрелом размышлении я решил не помещать здесь ни резюме, ни выдержек из рассуждений многоученого доктора по поводу предмета, который (как он заявляет) «затрагивает, вероятно, сокровеннейшие тайны нашего двойственного существования и его промежуточных форм».

Внимательно и с интересом ознакомившись с манускриптом, я, привлеченный умом и аккуратностью, свойственными, по-видимому, давней корреспондентке доктора Гесселиуса, пожелал и сам вступить с нею в переписку. К своему немалому огорчению, я неожиданно узнал, однако, что ее уже нет в живых.

Впрочем, она едва ли смогла бы многое добавить к своему столь точному и обстоятельному (я полагаю) рассказу, который следует ниже.

ГЛАВА I

Детский испуг

Мы живем в Штирии, в Австрии. Богачами нас не назовешь, но обитаем мы в замке, или *schloss*'е. Скромного дохода в этих краях хватает на все с избытком. Восемь-девять сотен в год делают чудеса. При всей нашей бедности мы слываем здесь состоятельными людьми. Мой отец — англичанин, я ношу английскую фамилию, хотя в Англии никогда не была. Но, живя здесь, в этих уединенных и неприхотливых местах, где все так удивительно дешево, я в самом деле не вижу, каким дополнительным комфортом или даже роскошью мы могли бы обзавестись, будь у нас много больше денег.

Мой отец состоял на австрийской службе. Уйдя в отставку и располагая пенсией и наследством, он купил по дешевке это феодальное владение и немного земли при нем.

Невозможно себе представить окружение более живописное и уединение более полное. Замок стоит на небольшой возвышенности в лесу. Дорога, очень старая и узкая, проходит перед подъемным мостом (он ни разу на моей памяти не поднимался); наполненный водой ров обнесен частоколом и служит пристанищем множеству лебедей и белым флотилиям водяных лилий.

Над всем этим красуется *schloss*: многооконный фасад, башни, готическая капелла.

Перед воротами замка лес отступает, образуя очень живописную, неправильных очертаний поляну, а направо крутой готический мост переносит дорогу через речной поток, петляющий в густой тени леса.

Я уже говорила, что место это очень уединенное. Судите сами: если смотреть от двери холла в сторону дороги, то лес, среди которого стоит наш замок, простирается на пятнадцать миль вправо и на двенадцать влево. Ближайшая обитаемая деревня находится на расстоянии семи ваших английских миль. Ближайшим обитаемым замком издавна был *schloss* старого генерала Шпильсдорфа, почти в двадцати милях вправо.

Я сказала «ближайшая *обитаемая* деревня», потому что всего лишь в трех милях к западу, то есть в направлении замка генерала Шпильсдорфа, есть разрушенная деревня, в ней причудливая маленькая церковь; теперь она стоит без крыши. В боковом приделе — заброшенные могилы гордого рода Карнштайн, ныне угасшего; этот род владел некогда *château*¹, теперь тоже опустевшим, который возвышается в чаще леса над молчаливыми руинами городка.

Почему обезлюдели эти странные и меланхолические места? По сему поводу существует легенда, которую я поведаю вам в другой раз.

Теперь я должна вам рассказать, сколь немногочисленное общество собирается за обеденным столом в нашем замке (я не говорю здесь о слугах и жильцах примыкающих к замку строений). Слушайте и удивляйтесь! Это всего-навсего мой отец, добрейший человек на земле, но уже немолодой, и я сама. В то время, о котором я рассказываю, мне было всего лишь девятнадцать. С тех пор минуло восемь лет. Я и мой отец — вот и вся семья владельцев замка. Моя мать, дворянка из Штирии, умерла, когда я была совсем маленькой, но почти с самого младенчества меня опекала моя добрая гувернантка. Ее полное приветливое лицо было знакомо мне всегда, сколько себя помню. Это мадам Перродон, уроженка Берна. Ее забота и добродушие частично возместили мне потерю матери, о которой у меня даже не осталось воспоминаний, так рано я ее лишилась. Мадам была третьей персоной за нашим обеденным столом. Была и четвертая, мадемуазель де Лафонтен, дама, которую, думаю, можно назвать «воспитательницей манер». Она говорила на французском и немецком, мадам Перродон — на французском и ломаном английском; добавьте сюда наш с отцом английский, на котором мы говорили каждый день, отчасти чтобы не забыть этот язык, отчасти из патриотических побуждений. В результате получался вавилон, вызывавший насмешки посторонних. Не буду пытаться воспроизвести его в этом рассказе. Были еще две-три

¹ Замок (фр.). — Здесь и далее по тексту повести примеч. перев.

молодые дамы, примерно моего возраста, мои подруги, которые время от времени гостили у нас; а я иногда, в свою очередь, бывала в гостях у них.

Вот и все общество, которым мы довольствовались; но были еще, конечно, случайные визиты «соседей», которых отделили от нас всего каких-то пять или шесть лиг. Тем не менее могу вас заверить, жизнь моя была довольно уединенной.

Мои благоразумные гувернантки контролировали меня лишь настолько, насколько это было возможно в случае с довольно избалованной девушкой, единственный родитель которой во всем предоставлял ей едва ли не полную свободу.

С детства не могу забыть один эпизод, который произвел на меня ужасное впечатление, не изгладившееся до сих пор. Это одно из моих самых ранних детских воспоминаний. Некоторые сочтут его столь незначительным, что не стоило бы и упоминать его здесь. Но скоро вы поймете, почему я о нем рассказываю. Детская комната, в которой жила я одна, находилась в верхнем этаже замка и представляла собой обширное помещение с высоким дубовым потолком. Мне было тогда шесть лет, не больше. Однажды ночью я проснулась, огляделась, не вставая с кровати, и обнаружила, что горничной в комнате нет. Не было и няни, и я решила, что осталась одна. Я не испугалась, потому что принадлежала к числу тех счастливых детей, которым, стараниями взрослых, никогда не приходилось слышать рассказов о привидениях, волшебных сказок и всего прочего, что заставляет нас прятать голову под одеяло, когда внезапно заскрипит дверь или задрожит пламя погасающей свечи и на стене запляшет тень от столбика кровати, вытягиваясь в сторону твоего лица. Я была лишь обижена и раздосадована, обнаружив, что мной, как я решила, пренебрегли, и начала хныкать, готовясь зареветь во весь голос, но тут, к своему удивлению, увидела у края кровати строгое, но очень красивое лицо, смотревшее на меня. Это была молодая женщина, которая стояла на коленях, положив руки на одеяло. Приятно пораженная, я перестала хныкать. Женщина приласкала меня, легла в мою постель и с улыбкой притянула меня к себе. Сладостное чувство покоя сразу же овла-

дело мной, и я снова заснула. Проснулась я, внезапно ощутив, будто две иглы одновременно очень глубоко вонзились мне в грудь. Я громко закричала. Женщина отпрянула, не спуская с меня глаз, а затем соскользнула на пол и, как мне показалось, спряталась под кроватью.

Тут только я действительно испугалась и завопила во всю мочь. Няня, горничная, экономка вбежали в комнату, выслушали мой рассказ и принялись на все лады истолковывать услышанное, всячески стараясь тем временем меня успокоить. Но я, хотя и была еще ребенком, заметила на их лицах бледность и непривычную тревогу. Они заглядывали под кровать, под столы, осматривали комнату, рывком открывали шкафы, а экономка прошептала няне: «Потрогайте эту вмятину на постели — там кто-то лежал, чем угодно могу поклясться; это место еще теплое».

Помню, как обнимала и целовала меня горничная и как все три женщины осматривали мою грудь — то место, где чувствовалась боль от укола, — и объявили, что никаких следов не обнаружили.

Экономка и две другие служанки остались дежурить на всю ночь, и с тех пор, пока мне не исполнилось четырнадцать лет, в детской всегда находилась кто-нибудь из служанок.

Происшествие это надолго расстроило мои нервы. Послали за доктором; это был бледный пожилой человек. Хорошо помню его длинное мрачное лицо, слегка рябое, и каштановый парик. Долго еще он приходил к нам через день и давал мне лекарство, которое я, разумеется, терпеть не могла.

На следующее утро после этого видения я все еще была напугана до полусмерти и не соглашалась оставаться одна ни на минуту, даже при свете дня.

Помню, как пришел наверх мой отец, как он стоял у кровати, весело что-то говорил, задал много вопросов няне и громко смеялся над одним из ответов; как он похлопал меня по плечу, поцеловал, сказал, чтобы я не боялась, что все это был сон и ничего больше и вреда от него не будет.

Но я не успокоилась, ибо знала, что визит странной женщины был *не сном*, и я *ужасно* боялась.

Немного утешило меня уверение горничной, что это она приходила в спальню и легла в кровать рядом со мной и что спросонья я не узнала ее лица. Однако и это не вполне удовлетворило меня, хотя слова горничной подтвердила няня.

Помню, как в тот же день в комнату вошел почтенный старый человек в черной сутане в сопровождении няни и экономки, немного поговорил с ними, потом со мной — очень ласково. Лицо у него было милое и доброе. Он сказал мне, что сейчас они будут молиться, соединил мои руки и попросил меня тихо повторять, пока они молятся: «Господи, внемли всем молящим за нас, во имя Господа нашего Иисуса». Думаю, слова были именно такие, потому что я часто повторяла их про себя, а няня и годы спустя велела мне включать эти слова в мои молитвы.

Я очень хорошо помню задумчивое, ласковое лицо этого седовласого человека в черной сутане, помню, как он стоял в этой скромно отделанной коричневой комнате с высоким потолком, среди неуклюжей мебели в стиле, бывшем в моде триста лет назад; как скудный свет рассеивал сумрак, проникая через маленькое окно с частым переплетом. Священник преклонил колени, три женщины сделали то же, и он громко молился дрожащим голосом — как мне показалось, очень долго. Я позабыла всю мою жизнь, предшествовавшую этому событию, и некоторый период после него тоже смутен; но сцены, которые я только что описала, выступают из тьмы подобно живым фантасмагорическим картинкам.

ГЛАВА II

Гостья

А теперь я собираюсь поведать о событиях столь необыкновенных, что лишь при полном доверии ко мне вы не примете эту историю за выдумку. Тем не менее они не только произошли в действительности, но я сама была их участницей.

Был чудесный летний вечер. Отец пригласил меня, как иногда делал и прежде, совершить вместе с ним небольшую прогулку вдоль опушки леса, по той красивой большой поляне перед замком, о которой я уже говорила.

— Генерал Шпильсдорф не сможет в ближайшие дни к нам приехать, — сказал отец во время прогулки.

Генерал собирался погостить у нас несколько недель, и мы ожидали его прибытия на следующий день. Он должен был привезти с собой молодую даму, свою племянницу и воспитанницу, мадемуазель Райнфельдт, которую я никогда не видела, но, по описаниям, представляла как весьма очаровательную девушку и надеялась провести в ее обществе много счастливых дней. Молодая дама, живущая в городе или в окружении многочисленных соседей, и представить себе не может, как я была разочарована. Этот визит и связанное с ним новое знакомство заполняли мои мысли и мечты уже много недель.

— А когда же он приедет? — спросила я.

— До осени не приедет. Не раньше чем через два месяца, думаю, — ответил отец. — И я теперь очень рад, дорогая, что ты так и не познакомилась с мадемуазель Райнфельдт.

— Почему? — Я испытывала одновременно и разочарование, и любопытство.

— Потому что молодая леди умерла. Я совсем забыл, что не сказал тебе об этом, но тебя не было в комнате, когда я вечером получил письмо от генерала.

Я была потрясена. В своем первом письме, шесть или семь недель назад, генерал Шпильсдорф упоминал, что его племяннице нездоровится, но там не было даже отдаленного намека на такую опасность.

— Вот письмо генерала, — сказал отец, протягивая мне письмо. — Он не помнит себя от горя; похоже, им овладело отчаяние, когда он писал это письмо.

Мы уселись на грубо сделанную скамью под величественными липами. Солнце во всем своем меланхолическом великолепии садилось за лесом; река, которая течет мимо нашего дома в сторону упомянутого уже мной старого готического моста, в двух шагах от нас огибала одну за другой купы

стройных деревьев, отражая в своем потоке постепенно блекнувшее малиновое небо. Письмо генерала Шпильсдорфа было таким необычным, страстным, местами противоречивым, что я прочла его дважды, во второй раз вслух для отца, и все еще не могла в нем разобраться; оставалось разве что предположить, что генерал от горя повредился рассудком.

В письме было сказано:

«Я потерял мою дорогую дочь — я ведь был привязан к ней, как к дочери. В последние дни болезни моей дорогой Берты я был не в силах написать Вам. До этого мне и в голову не приходило, какая опасность ей грозит. Я ее потерял, а теперь мне известно все, но слишком поздно. Она умерла в невинной умиротворенности, в блаженной надежде на вечное спасение. Виной всему тот дьявол, который предательски воспользовался нашим легкомысленным гостеприимством. Я думал, что дал приют в своем доме невинности, веселью — душе, во всем подобной утраченной мной Берте. Боже! Как я был глуп! Благодарю Тебя за то, что дитя мое умерло, не ведая причины своих страданий. Она отошла в лучший мир, не имея ни малейшего представления ни о природе своей болезни, ни об отвратительных страстях, повлекших за собой все эти несчастья. Я посвящу остаток своих дней поискам этого чудовища, чтобы уничтожить его. Мне сказали, что можно надеяться на успех моего благого и праведного дела. Пока что я блуждаю в потемках. Проклинаю свое самодовольное неверие, свое презренное высокомерие, слепоту, упрямство — но поздно. Я не могу сейчас писать или говорить яснее. Мысли путаются. Как только немного приду в себя, я какое-то время посвящу наведению справок; возможно, для этого мне даже придется отправиться в Вену. Как-нибудь осенью, месяца через два или раньше, если буду жив, наведаюсь к Вам, с Вашего разрешения; тогда и расскажу все то, что не решаюсь сейчас доверить бумаге. Прощайте. Молитесь за меня, дорогой друг».

Такими словами заканчивалось это странное письмо. Хотя мне так ни разу и не пришлось увидеться с Бертой Райнфельдт, глаза мои наполнились слезами при этом неожиданном известии; я была и поражена, и разочарована до глубины души.

Солнце уже село, и наступили сумерки, когда я вернула отцу письмо генерала.

Был мягкий ясный вечер, и мы медленно прогуливались, размышляя, что бы могли значить неистовые и отрывочные фразы, которые я только что читала. Нам предстояло одолеть еще почти милю, чтобы выбраться на дорогу, проходящую вдоль фасада замка. К тому времени уже ярко сияла луна. На подъемном мосту мы встретили мадам Перродон и мадемуазель де Лафонтен, которые с непокрытыми головами вышли полюбоваться чудесным лунным светом.

Приближаясь, мы слышали их оживленную беседу. Мы присоединились к ним на подъемном мосту и обернулись, чтобы тоже насладиться дивным зрелищем.

Поляна, по которой мы только что прогуливались, лежала перед нами. Слева узкая дорога, извиваясь, уходила под купы царственных деревьев и терялась в лесной чаще. Справа та же дорога вела к живописному горбтому мосту, вблизи которого стояли руины башни, некогда охранявшей проход; за мостом на крутой возвышенности смутно виднелись в тени деревьев несколько серых, увитых плющом глыб.

На лугах расстилалась тонкая пелена тумана, похожая на дым, окутывая даль прозрачным покрывалом; в лунном свете кое-где мерцала река.

Более приятную, умиротворенную сцену невозможно себе представить. Новость, которую я только что услышала, придала меланхолический оттенок этому зрелищу; но ничто не могло нарушить его глубокую безмятежность, зачарованную красоту туманной панорамы.

Мы с отцом, ценителем красивых пейзажей, молча смотрели вдаль. Обе гувернантки стояли чуть позади, превозносили красоту сцены и упражнялись в красноречии по поводу лунного света.

Мадам Перродон была особа средних лет, полная, романтическая. Она и говорила, и вздыхала на поэтический манер. Мадемуазель де Лафонтен (отец ее был немец, и потому она претендовала на познания в психологии, метафизике, отчасти в мистике) объявила, что такой интенсивный свет луны, как хорошо известно, указывает на особую духовную активность. Яркий свет полной луны влияет на сны, на сумасшедших, на нервных людей и прочая, и прочая; луна оказывает удивительное, жизненно важное физиологическое воздействие. Мадемуазель рассказала, что ее кузен, служивший помощником капитана на торговом судне, однажды в такую же ночь задремал на палубе, лежа навзничь, обратив лицо к луне. Ему приснилось, что какая-то старуха вцепилась когтями ему в лицо. Пробудившись, он обнаружил, что лицо его самым ужасающим образом перекошилось; с тех пор его черты так и не обрели былой симметрии.

— Луна этой ночью исполнена одилической и магнетической сил, — сказала она, — взгляните назад, на фасад замка: как вспыхивают и мерцают серебром его окна, будто невидимая рука зажгла в комнатах огни в ожидании чудесных гостей.

Бывает такое праздное состояние души, когда не хочется говорить, но звук чужой речи приятен для нашего равнодушного слуха; и я вглядывалась в даль, с удовольствием прислушиваясь к беседе, напоминавшей позвякиванье колокольчиков.

— На меня нашла хандра этой ночью, — прервал паузу отец и процитировал Шекспира, которого имел обыкновение читать вслух, чтобы не забывать английский: —

Не знаю, отчего я так печален.

Мне это в тягость; вам, я слышу, тоже.

Но где я грусть поймал, нашел...¹

Дальше забыл. У меня такое чувство, будто нам грозит какая-то большая беда. Думаю, это имеет отношение к горестному письму бедного генерала.

¹ Пер. Т. Щепкиной-Куперник.

В тот же миг наше внимание привлекли непривычные звуки: шум колес экипажа и стук множества копыт.

Звуки, казалось, приближались со стороны возвышенности за мостом, и очень скоро оттуда появился экипаж. Сначала по мосту проехали двое всадников, за ними последовала карета, запряженная четверкой лошадей, а замыкали процессию еще двое верховых.

По виду это был дорожный экипаж, принадлежавший знатной особе, и наше внимание было немедленно поглощено примечательным зрелищем. А через несколько мгновений события приняли совсем неожиданный оборот. Как только экипаж пересек середину круглого моста, одна из передних лошадей испугалась. Паника передалась остальным; сделал пару рывков, вся четверка пустилась в бешеный галоп, пронеслась между двумя передними верховыми и загрохотала по дороге, приближаясь к нам со скоростью урагана.

Волнение, вызванное этой сценой, переросло в тревогу, когда мы отчетливо услышали протяжные женские крики, доносившиеся из окна экипажа.

Мы все бросились вперед, охваченные любопытством и ужасом, отец молча, остальные — издавая испуганные восклицания.

Напряженное ожидание продолжалось недолго. Перед подъемным мостом замка на пути экипажа стояла с одной стороны великолепная липа, а с другой — старинный каменный крест. При виде его лошади, летевшие во весь опор, свернули в сторону, так что колесо экипажа наткнулось на выступающие корни дерева.

Мне было ясно, что сейчас произойдет. Я закрыла глаза и отвернулась, не в силах вынести это зрелище, и в то же мгновение услышала крик своих старших приятельниц, которые все видели.

Любопытство заставило меня открыть глаза. На дороге царил полнейший хаос. Две лошади лежали на земле, два колеса вращались в воздухе; мужчины снимали построжки; внушительного вида дама выбралась из экипажа и стояла, ломая руки и время от времени поднося к глазам платок.

Через дверцу экипажа извлекли тем временем молодую даму, не подававшую признаков жизни. Мой милый папа, со шляпой в руках, уже стоял рядом со старшей дамой, очевидно, предлагая ей воспользоваться всеми средствами, имевшимися в замке, для оказания помощи. Дама, казалось, не слышала его; она не спускала глаз со стройной девушки, которую уложили возле пригорка.

Я подошла. Молодая дама, очевидно, была оглушена, но, во всяком случае, жива. Мой отец, гордившийся своими медицинскими познаниями, ощупал запястье девушки и заверил старшую даму, объявившую себя ее матерью, что пульс, пусть слабый и неровный, все же четко различим. Дама сложила руки и обратила глаза вверх, как будто благодаря Небеса, но тут же снова принялась разыгрывать сцену скорби. Некоторым людям, думаю, свойственна такая театральность.

Это была, что называется, интересная для своего возраста женщина; прежде она, должно быть, считалась красавицей. Роста она была высокого, но не худа, одета в черный бархат, довольно бледна, но с гордым и внушительным, хотя и необычайно взволнованным сейчас лицом.

— Когда же придет конец моим несчастьям и горестям? — стенала она, когда я приблизилась. — Поездка моя — это дело жизни или смерти, один час промедления все погубит. Кто знает, скоро ли мое дитя придет в себя и сможет продолжать путешествие. Придется покинуть ее; я не могу, не смею медлить. Не скажете ли, где находится ближайшая деревня? Придется оставить дочь там; вернусь я через три месяца, а до того мне не удастся ни повидать мою дорогую девочку, ни даже получить от нее весточки.

Я потянула отца за рукав и горячо зашептала ему на ухо: «Папа, пожалуйста, попроси оставить ее у нас — это будет чудесно. Ну пожалуйста».

— Если мадам доверит свое дитя заботам моей дочери и ее верной гувернантки, мадам Перродон, и разрешит ей эти три месяца погостить у нас, на моем попечении, она окажет нам этим великую честь. А мы уж приложим все усилия, чтобы сбереечь доверенное нам сокровище.

— Я не могу этого сделать, сударь, это значило бы безбожно злоупотребить вашей добротой и любезностью, — отвечала дама смущенно.

— Напротив, вы бы оказали нам величайшую любезность в ту минуту, когда мы особенно в этом нуждаемся. Моя дочь только что претерпела жестокое разочарование из-за несостоявшегося визита, которого она долго ждала и который предвкушала с большой радостью. Если вы доверите молодую леди нашему попечению, это как нельзя лучше утешит мою дочь. Ближайшая деревня на вашем пути расположена далеко, и там нет такой гостиницы, где вы могли бы поместить свое дитя. Поездка же на большое расстояние для нее опасна. Если, как вы говорите, дела ваши не терпят отлагательств, придется вам расстаться с дочерью здесь, и, можете мне поверить, мы о ней позаботимся лучше, чем кто бы то ни было.

В осанке и внешности дамы сквозило нечто столь неординарное, впечатляющее, а манеры ее были столь примечательны, что, даже не видя пышности ее свиты, можно было предположить в ней важную особу.

К этому моменту экипаж был уже поднят, а лошади, вполне усмирненные, опять запряжены.

Дама бросила на свою дочь взгляд, который мне показался не таким любящим, как можно было ожидать судя по предыдущей сцене; потом она подала знак моему отцу и удалилась вместе с ним на несколько шагов, так что разговор их стал недосягаем для слуха. Лицо дамы сделалось сосредоточенным и суровым, совсем не таким, как раньше.

Я была поражена тем, что отец, казалось, не заметил этой перемены, и сгорала от любопытства: что же она нашептывала отцу почти в самое ухо с такой серьезностью и поспешностью?

На разговор дама потратила минуты две, самое большее три, потом повернулась и, пройдя несколько шагов, оказалась рядом со своей дочерью, которую поддерживала мадам Перродон. На мгновение она опустилась на колени подле дочери и зашептала ей что-то на ухо. Мадам предположила, что это было краткое благословение. Потом, быстро поцеловав девушку, вошла в экипаж, дверца закрылась, лакеи в пышных

ливреях вскочили на запятки, верховые пришпорили лошадей, фореиторы щелкнули хлыстами, лошади с места в карьер ударились в галоп, угрожая снова понести, и экипаж полетел прочь, сопровождаемый двумя верховыми, замыкавшими кавалькаду.

ГЛАВА III

Мы сравниваем наши впечатления

Мы провожали глазами кортеж, пока он не скрылся из виду в туманном лесу, вслед за чем замерли в ночном воздухе стук копыт и грохот колес.

Пережитое приключение можно было бы счесть галлюцинацией, если бы не присутствие молодой дамы, которая как раз открыла глаза. Лицо ее было обращено в другую сторону. Я видела только, как она подняла голову, осматриваясь, и услышала мелодичный голос, жалобно произнесший:

— Мама, где ты?

Наша добрая мадам Перродон откликнулась несколькими ласковыми фразами, стараясь успокоить ее.

Потом незнакомка спросила:

— Где я? Что это за место? — И добавила: — Я не вижу экипажа. А матушка, где она?

Мадам отвечала на все ее вопросы, какие только расслышала, и постепенно молодая дама припомнила, как произошел несчастный случай, и обрадовалась, услышав, что никто не пострадал. Узнав, что мама оставила ее здесь и обещала вернуться месяца через три, она заплакала.

Я собиралась присоединиться к мадам Перродон, утешавшей незнакомку, но мадемуазель де Лафонтен, удержав меня за руку, сказала:

— Не подходите; одного собеседника ей сейчас более чем достаточно. При таких обстоятельствах малейшее возбуждение может пойти во вред.

Я подумала: «Как только ее благополучно уложат в постель, я непременно поднимусь в ее комнату».

Тем временем отец послал слугу на лошади за врачом (тот жил в двух лигах отсюда), а для молодой дамы готовили спальню.

Наконец незнакомка встала и, опираясь на руку мадам, медленно прошла по подъемному мосту к воротам замка.

Слуги уже ожидали в холле и тут же проводили девушку в ее комнату.

В качестве гостиной мы обычно использовали продолговатую комнату с четырьмя окнами, смотрящими на ров, подъемный мост и тот лесной пейзаж, который я только что описала.

Обставлена она старинной дубовой мебелью с большими резными шкафами-горками и стульями, обитыми малиновым утрехтским бархатом. Стены увешаны гобеленами. На них, заключенные в широкие золотые рамы, красуются человеческие фигуры в натуральный рост, в старинных, очень любопытных одеяниях. Представленные здесь персонажи охотятся с соколом, просто охотятся и вообще развлекаются. Комната очень уютная, не слишком официальная. Здесь мы пили чай, так как мой отец, склонный при каждом удобном случае проявлять патриотизм, настаивал на том, чтобы этот национальный напиток регулярно появлялся на столе наряду с кофе и шоколадом.

Той ночью мы сидели здесь при свечах и обсуждали вечерние происшествия.

Мадам Перродон и мадемуазель де Лафонтен присутствовали тоже. Молодая незнакомка погрузилась в глубокий сон, как только ее уложили в кровать, и обе дамы поручили ее заботам слуг.

— Как вам понравилась наша гостья? — спросила я, едва мадам вошла в комнату. — Расскажите мне о ней все.

— Я от нее в восторге, — ответила мадам. — Она, думаю, самое прелестное создание, какое я когда-либо видела; примерно вашего возраста и такая кроткая и милая.

— Она настоящая красавица, — вступила в разговор мадемуазель, которая успела на минутку заглянуть в комнату незнакомки.

— Аголосок какой приятный! — добавила мадам Перродон.

— А вы заметили, когда экипаж подняли, что там была женщина, — осведомилась мадемуазель, — которая не выходила наружу, только выглядывала в окно?

Нет, мы ее не видели.

Тогда мадемуазель описала ее: отвратительная черная женщина, на голове что-то вроде цветного тюбана. Она все время таращилась из окна экипажа, ухмыляясь и кивая в сторону обеих дам. Глаза горящие, с огромными яркими белками, зубы оскалены, будто в приступе ярости.

— А вы заметили, что за безобразный сброд эти их слуги? — спросила мадам.

— Да, — сказал отец, только что вошедший в комнату, — вид у них разбойный, в жизни не видел никого уродливей. Надеюсь, они не ограбят бедную леди в лесу. Но, правда, в ловкости этим негодникам не откажешь: вмиг все привели в порядок.

— Я бы сказала, что их утомило слишком долгое путешествие, — предположила мадам. — Вид у них неприглядный, это верно, но, кроме того, удивительно исхудавшие и хмурые лица. Честно говоря, я сгораю от любопытства; но, вероятно, молодая леди обо всем нам завтра расскажет, если будет хорошо себя чувствовать.

— Не думаю, — произнес отец, таинственно улыбаясь и покачивая головой, будто что-то скрывал от нас.

Это еще более подстегнуло мое любопытство. Очень уж мне хотелось узнать, что произошло между ним и дамой в черном бархате во время краткого, но серьезного разговора непосредственно перед ее отъездом.

Как только мы остались одни, я пустилась в расспросы. Долго уговаривать отца не пришлось.

— Не вижу особых причин от тебя это скрывать. Она говорила, что ей неловко обременять нас заботами о своей дочери; сказала, что ее дочь — девушка хрупкого здоровья, нервозная, но никакого рода припадкам не подвержена, равно как и галлюцинациям, и что она, в сущности, вполне нормальный человек. Заметь, кстати, что я никаких вопросов не задавал.

— Странно, к чему были эти оговорки? — вмешалась я. — Не вижу в них необходимости.

— Во всяком случае, это было сказано, — усмехнулся отец, — а раз ты хочешь знать все, что произошло, а не произошло почти ничего, то я не опускаю никаких подробностей. Потом моя собеседница добавила: «Я предприняла далекую поездку, жизненно важную для меня, — здесь она сделала ударение, — срочную и секретную; вернуться за дочерью мне удастся не ранее чем через три месяца. Все это время она будет хранить молчание о том, кто мы такие, откуда приехали и куда направляемся». Вот и все, что я узнал. Мать нашей гостьи очень чисто говорит по-французски. При слове «секретная» она помолчала несколько секунд, глядя мне в глаза пристально и сурово. Думаю, она придает этому большое значение. Уехала она чрезвычайно поспешно, это ты сама видела. Надеюсь, я не сделал слишком большой глупости, взяв на себя заботу об этой молодой леди.

Что касается меня, то я была в восторге. Я изнывала от нетерпения, ожидая, когда доктор наконец позволит мне увидеться и поговорить с гостьей. Вы, городские жители, даже представить себе не можете, что означает для нас, в нашей глуши, появление новых друзей.

Доктора пришлось ждать почти до часу, но уйти и лечь в постель мне было бы не легче, чем догнать пешком экипаж, уносивший княгиню в черном бархате.

Когда врач спустился в гостиную, мы услышали очень хорошие новости о состоянии пациентки. Она уже сидела, пульс стал ровным. По всей видимости, здоровье ее было в полном порядке. Она не получила никакого увечья, небольшой шок прошел, не оставив следа. Мой визит, без сомнения, не нанесет ей вреда, если мы обе захотим встретиться. Получив разрешение, я тотчас послала узнать, позволит ли мне наша гостья зайти на несколько минут в ее комнату.

Служанка немедленно вернулась с ответом, что та желает этого больше всего на свете.

Можете быть уверены, что я не замедлила воспользоваться разрешением.

Гостью поместили в одну из самых красивых комнат нашего замка, разве что не в меру величественную. На стене напротив кровати висел мрачный гобелен, изображавший Клеопатру со змеей на груди, на остальных стенах были представлены другие торжественные классические сцены. Мрачность старинных гобеленов, немного поблекших, искупалась богатой позолоченной резьбой и пышностью прочей отделки.

Горели свечи. Незнакомка сидела в кровати; на ее стройную красивую фигуру был наброшен тот самый подбитый шелком халат, расшитый цветами, которым мать прикрыла девушке ноги, когда бедняжка лежала на земле.

Что же заставило меня, когда я приблизилась к гостье с небольшой приветственной речью, мгновенно замолкнуть и отпрянуть на несколько шагов? Сейчас расскажу.

Передо мной было то самое лицо, которое я видела в детстве в столь памятную мне ночь, лицо, о котором я многие годы так часто размышляла с ужасом, когда никто не догадывался, о чем я думаю.

Лицо это, миловидное, даже красивое, в первый миг, когда я его увидела, несло на себе все тот же отпечаток меланхолии.

Но почти мгновенно на нем вспыхнула странная, подчеркнутая улыбка узнавания.

Не меньше минуты длилось молчание, и она наконец заговорила — я не смогла.

— Поразительно! — воскликнула гостья. — Двенадцать лет назад я видела ваше лицо во сне, и с тех пор оно постоянно меня преследует.

— В самом деле поразительно! — повторила я, с усилием подавляя ужас, на несколько секунд сковавший мне язык. — Двенадцать лет назад, в видении или наяву, я, без сомнения, вас видела. С тех пор я не забывала ваше лицо. Оно все время стояло у меня перед глазами.

Ее улыбка смягчилась. То, что представилось мне в ней странным, исчезло, а ямочки на щеках теперь показались восхитительными.

Я пришла в себя и, вспомнив о законах гостеприимства, приветствовала гостью и описала то удовольствие, которое доставил ее нечаянный визит нам всем, в особенности мне.

Произнеся эти слова, я взяла ее за руку. Я была немного застенчива, как и все одинокие люди, но обстоятельства придали мне красноречия и даже смелости. Гостья пожала мою руку и накрыла ее своей. Глаза ее горели. Она быстро взглянула мне в лицо, снова улыбнулась и покраснела.

Она очень мило ответила на мое приветствие. Я села рядом с ней, не переставая удивляться, и она сказала:

— Послушайте, я вам поведаю о том, что мне тогда привиделось; это просто чудо, что обе мы видели друг друга во сне живо, будто в реальности, и такими, какие мы сейчас, — хотя тогда, разумеется, обе были детьми. Мне было лет шесть. Я проснулась после какого-то спутанного, тревожного сна и оказалась в комнате, непохожей на мою детскую. Стены ее были обшиты грубой работы панелями из какого-то темного дерева, вдоль стен — шкафы, кровати, стулья, скамьи. Мне показалось, что кровати пустые и, кроме меня, в комнате никого нет; осмотревшись вокруг и особенно залюбовавшись железным подсвечником с двумя ветвями — который я, без сомнения, узнала бы, доведись мне снова его увидеть, — я стала пролезать под одной из кроватей, чтобы добраться до окна, но, когда поднималась, услышала чей-то плач. Взглянув вверх (я еще не встала с колен), я увидела вас — без малейшего сомнения, — как вижу сейчас: красивая молодая дама с золотистыми волосами и большими голубыми глазами, а губы... ваши губы... Это были вы, в точности как сейчас. Вы мне понравились; я вскарабкалась на постель и обняла вас; кажется, мы обе уснули. Меня разбудил крик: вы сидели в кровати и кричали. От испуга я соскользнула на пол и — так мне почудилось — на мгновение потеряла сознание. Придя в себя, я снова оказалась дома, в своей детской. С тех пор мне и запомнилось ваше лицо. Я не могла ошибиться, это не простое сходство. Именно вы — та дама, которую я тогда видела.

Настала моя очередь рассказать о своем видении, что я и сделала, поразив мою новую знакомую до глубины души.

— Не знаю, кто кого должен больше бояться, — произнесла она, снова улыбаясь. — Не будь вы так прелестны, я бы вас очень боялась, а теперь, тем более поскольку мы обе такие молодые, я чувствую только, что мы с вами познакомились двенадцать лет назад и уже подружились; во всяком случае, с самого раннего детства судьба назначила нам быть подругами. Не знаю, испытываете ли вы ко мне такое же странное притяжение, как я к вам; у меня никогда не было подруги — неужели я найду ее теперь? — Она вздохнула, устремив на меня страстный взгляд своих красивых темных глаз.

По правде говоря, я испытывала странное чувство по отношению к прекрасной незнакомке. Я чувствовала, говоря ее словами, «притяжение» к ней, но и отталкивание тоже. И все же притяжение резко преобладало. Она интересовала меня и покоряла: она была так красива и так необыкновенно обаятельна.

Я заметила теперь, что гостьей как будто овладевают усталость и апатия, и поспешила пожелать ей доброй ночи.

— Доктор считает, — добавила я, — что вам на эту ночь нужен присмотр. Одна из наших горничных будет ночевать в вашей комнате. Вы увидите: это очень толковая и спокойная девушка.

— Это так любезно с вашей стороны, но я не засну: я никогда не могла спать в присутствии посторонних. Мне не понадобится никакая помощь, и, признаюсь в своей слабости, меня преследует страх перед грабителями. Наш дом однажды ограбили и убили двух слуг, так что я всегда запираюсь на ключ. Это стало привычкой. Вы так любезны — знаю, вы меня простите. Я вижу, в двери есть ключ. — Она на мгновение обняла меня своими прелестными руками и прошептала на ухо: — Спокойной ночи, дорогая; мне очень жаль с тобой расставаться, но — спокойной ночи; завтра утром, но не слишком рано, мы снова увидимся.

Гостья со вздохом откинулась на подушку; ее красивые глаза следили за мной нежно и меланхолично. Она снова пробормотала: «Спокойной ночи, моя радость».

В молодых людях симпатия и даже более сильные чувства вспыхивают мгновенно. Мне льстила ее очевидная любовь ко мне, ничем пока не заслуженная, нравилось то, как она мгновенно прониклась ко мне доверием. Она решительно намеревалась стать моей очень близкой подругой.

Наступил следующий день, и мы встретились снова. Я была во многих отношениях в восторге от своей новой приятельницы.

При свете дня ее внешность ничуть не проигрывала — она была, несомненно, самым красивым созданием, какое я когда-либо встречала, а неприятное воспоминание о лице, виденном в детском сне, уже потеряло эффект неожиданности.

Она призналась, что испытала подобный же шок, увидев меня, и точно такую же легкую антипатию, какая применялась к моему восхищению ею. Теперь мы вместе посмеялись над нашим мимолетным испугом.

ГЛАВА IV

Ее привычки. Прогулка

Я уже говорила вам, что меня очаровывало в ней почти все. Но не совсем все.

Она была выше среднего роста. Вначале я опишу ее. Она была стройна и удивительно грациозна. За исключением вялости — крайней вялости — движений, ничто в ее облике не указывало на болезненность. Прекрасный цвет лица; черты мелкие и изящные; глаза большие, темные и блестящие; волосы совершенно удивительные. Ни у кого мне не случалось видеть таких густых и длинных волос, как у нее. Я любовалась ими, когда они были распущены; нередко погружала в них руку, приподнимала и смеялась, удивляясь их весу. Они были изысканно красивы: мягкие, глубокого темно-каштанового цвета, с золотым отливом. Мне нравилось, как они ниспадали в беспорядке под собственной тяжестью, когда она сидела,

откинувшись на спинку стула, в своей комнате и что-нибудь рассказывала мелодичным, низким голосом. Я сворачивала их, заплетала и расплетала, играла ими. Боже! Если бы я только знала!

Я уже говорила, что кое-что в ней мне не нравилось. В первую ночь нашего знакомства меня покорило ее доверие, но, как выяснилось, в том, что касалось ее самой, ее матери, обстоятельств, приведших ее сюда, — собственно, во всем, что имело отношение к ее жизни, планам и близким людям, она неизменно оставалась настороженно-скрытной. Наверное, я была неразумна, возможно, не права, и, разумеется, мне следовало уважать обязательства, наложенные на моего отца дамой в черном бархате. Но любопытство — неугомонное и бесцеремонное чувство, и ни одна девушка не станет терпеть, если от нее что-то скрывают. Ну кому будет хуже, если я узнаю то, что так страстно жажду знать? Неужели она сомневается в моих благоразумии и честности? Почему она не верит, когда я клянусь так торжественно, что ни одному смертному ни единым словом не обмолвлюсь о ее тайне?

В ее улыбчивом, меланхоличном, упорном отказе просветить меня хоть чуть-чуть мне виделась несвойственная ее возрасту холодность.

Не скажу, что мы из-за этого ссорились; она никогда со мной не ссорилась. Конечно, было очень дурно и невоспитанно с моей стороны так настойчиво ее расспрашивать, но я не могла с собой совладать; кроме того, я с тем же успехом могла бы и не упорствовать.

То, что она мне рассказала, было ничем по сравнению с моими неумеренными ожиданиями.

Все это можно свести к трем весьма общим фразам: ее звали Кармила; она из очень древней и благородной семьи; ее дом находится к западу отсюда.

Она ни слова мне не сказала ни о том, как именовался их род, ни об их фамильном гербе и девизе, ни о названии их владений, ни даже о том, из какой они страны.

Не следует думать, что я беспрерывно осаждала ее вопросами. Я подстергала удобный момент и проявляла больше

вкрадчивости, чем настойчивости. Раз или два, впрочем, я предпринимала прямую атаку. Но, вне зависимости от выбранной тактики, меня неизменно ждало поражение. Упреки и ласки были бесполезны. Должна добавить при этом: она уклонялась от моих вопросов так мило, так грустно умоляла меня, стараясь отвести мое любопытство, сопровождала это таким потоком страстных заверений в любви ко мне и убежденности в моем благородстве и такими многочисленными обещаниями в конце концов раскрыть все тайны, что у меня не хватало духу долго на нее обижаться.

Она обхватывала своими прелестными руками мою голову, привлекала меня к себе и, прижавшись щекой к моей щеке, шептала мне в самое ухо: «Любовь моя, твое сердечко ранено; не считай меня жестокой: я подчиняюсь неодолимому закону своей силы и слабости; если твое сердечко ранено, мое неистовое сердце кровоточит вместе с твоим. В восторге безграничного самоуничтожения я живу в твоей жаркой жизни, а ты должна умереть — блаженно умереть — в моей. Против этого я бессильна; как я прихожу к тебе, так и ты в свой черед придешь к другим и познаешь восторг той жестокости, которая есть не что иное, как любовь. Потому до времени не стремись узнать больше, чем знаешь сейчас, но доверься мне всей своей любящей душой».

Когда поток слов иссякал, она, трепеща, еще теснее прижимала меня к себе, а ее теплые губы осторожно покрывали нежными поцелуями мою щеку.

Ее возбуждение и страстные речи были мне непонятны.

В таких случаях — бывало это, надо сказать, не очень часто — мне хотелось освободиться из этих нелепых объятий; но силы, казалось, оставляли меня. Ее бормотание звучало как колыбельная, я переставала сопротивляться и впадала в оцепенение. Лишь после того как она разжимала объятия, я приходила в себя.

Когда на нее находил этот стих, она мне не нравилась. Я испытывала странное, лихорадочное волнение, иногда приятное, вместе со смутным страхом и гадливостью. Пока длились эти сцены, у меня не было ясных мыслей, но любовь к ней,

переходившая в обожание, уживалась во мне с отвращением. Это парадоксально, знаю, но не буду и пытаться как-то по-иному объяснить свои чувства.

Сейчас, когда с тех пор прошло уже более десяти лет, я пишу эти строки дрожащей рукой, неуверенно, с ужасом припоминая некоторые происшествия и ситуации, относившиеся к тому тяжкому испытанию, через которое я, сама того не ведая, проходила; хотя основной порядок событий запечатлелся у меня в уме достаточно живо и четко. Но, подозреваю, в жизни всегда бывают некоторые эмоциональные сцены, сопровождающиеся необузданным, диким возбуждением наших чувств, которые вспоминаются потом очень неясно и расплывчато.

Иногда, после часа апатии, моя странная и красивая приятельница брала мою руку и снова, и снова нежно пожимала ее, слегка зардевшись, устремляла на меня томный и горящий взгляд и дышала так часто, что ее платье вздымалось и опадало в такт бурному дыханию. Это походило на пыл влюбленного; это приводило меня в смущение; это было отвратительно, и все же этому невозможно было противиться. Пожирая меня глазами, она привлекала меня к себе, и ее жаркие губы блуждали по моей щеке. Она шептала, почти рыдая:

— Ты моя, ты должна быть моей, мы слились навеки.

Доведя меня до нервной дрожи, она откидывалась на спинку стула и прикрывала глаза своими миниатюрными ладонями.

— Разве мы родня? — спрашивала я. — Что это все значит? Может быть, я напоминаю тебе кого-то, кто тебе дорог? Но не нужно так делать, я этого не люблю. Я не понимаю тебя, я самое себя не понимаю, когда ты так смотришь и так говоришь.

Она вздыхала в ответ на мою горячность, потом отворачивалась и роняла мою руку.

Я тщетно пыталась выдумать какую-нибудь приемлемую теорию, объясняющую эти весьма необычные вспышки чувств. Это не было ни аффектацией, ни притворством. Несомненно, это было внезапное проявление подавленных ин-

стинктов и эмоций. Может быть, что бы ни говорила ее мать, Кармила была подвержена кратким припадкам умопомешательства? Или за всем этим крылась какая-то романтическая тайна? Я читала о таком в старинных книгах. Что, если какой-нибудь воздыхатель прибег к маскараду, чтобы пробраться в дом с помощью умной бывалой авантюристки? Но многое говорило против этого предположения, столь лестного для моего тщеславия.

Я не могла похвалиться ни малейшим знаком внимания, походившим на мужское восхищенное преклонение. Минуты страсти перемежались длинными интервалами обыденности, веселости, задумчивой меланхолии, во время которых — если не считать того, что иногда, как я замечала, глаза Кармиллы, полные меланхолического огня, следили за мной, — я, бывало, почти ничего для нее не значила. За исключением очень коротких периодов загадочного возбуждения, она вела себя как обычная девушка, и в ней всегда присутствовала вялость, совершенно несовместимая с манерой держаться, свойственной мужчине в полном здравии.

У Кармиллы имелись некоторые странные привычки. Возможно, городской жительнице они не покажутся столь необычными, как нам, деревенским людям. Она спускалась в гостиную очень поздно, обычно не раньше часа, выпивала чашку шоколада, но ничего не ела, потом мы отправлялись на прогулку. Она почти сразу же уставала и либо возвращалась в замок, либо усаживалась на одну из скамеек, которые и там и тут были поставлены среди деревьев. Это была телесная слабость, ум ее не разделял. Моя подруга всегда охотно заводила беседу и говорила очень живо и умно.

Временами она мимоходом упоминала свой родной дом или какое-нибудь приключение, сценку, детское воспоминание, описывая при этом странных людей и обычаи, о каких нам никогда и слышать не приходилось. Из этих случайных намеков я заключила, что ее родные места находятся значительно дальше отсюда, чем мне думалось вначале.

Когда мы однажды днем сидели так под деревьями, мимо нас прошла похоронная процессия. Хоронили прелестную

молодую девушку, которую я часто встречала, дочь одного из лесничих. Бедняга шел за гробом своей любимой дочери; она была единственным ребенком, и нельзя было не заметить, что отец совершенно убит горем. Крестьяне шли за ним парами и пели похоронный гимн.

Когда они поравнялись с нами, я встала, чтобы почтить процессию, и присоединилась к мелодичному пению.

Моя спутница довольно бесцеремонно тряхнула меня, и я с удивлением обернулась. Она сказала резко:

— Ты что, не слышишь, как это фальшиво?

— Напротив, очень мелодично, — ответила я, раздраженная ее вмешательством. Я боялась, что участники этой маленькой процессии заметят происходящее и будут обижены. Поэтому я сразу возобновила пение, но вновь была вынуждена смолкнуть.

— У меня сейчас уши лопнут, — фыркнула Кармила со злостью и заткнула уши своими маленькими пальчиками. — Кроме того, нечего говорить, что у нас одна вера; эти ваши церемонии приводят меня в ужас, и я ненавижу похороны. Пустая суета! Люди должны умирать, каждый умрет — и от этого станет только счастливее. Пойдем домой.

— Отец ушел со священником на кладбище. Я думала, ты знаешь, что ее хоронят сегодня.

— Ее? Я не знаю, кого это — ее, мне нет дела до крестьян, — отозвалась Кармила, сверкнув своими красивыми глазами.

— Это бедная девушка, которой две недели назад почудился призрак, и с тех пор она уже не вставала. Вчера она умерла.

— Не говори мне о привидениях, а то я не смогу заснуть сегодня.

— Надеюсь, это не чума и не лихорадка; очень на то похоже, — продолжала я. — Всего лишь неделю назад умерла молодая жена свинопаса. Она рассказывала, что кто-то схватил ее за горло, когда она лежала в постели, и чуть не задушил. Папа говорит, что такие жуткие фантазии сопровождают некоторые формы лихорадки. За день до этого она была совершенно здорова. А тут стала чахнуть и умерла, не проболев и недели.

— Ну ладно, ее похороны, я надеюсь, позади, и ее гимн спет, и эта разноголосая тарабарщина не будет больше раздражать нам уши. Она меня вывела из себя. Сядь здесь, рядом со мной... ближе; возьми мою руку, сожми ее... крепче... крепче...

Мы прошли несколько шагов назад, к другой скамейке.

Кармилла села. В ее лице произошла перемена, которая встревожила и даже на мгновение испугала меня. Оно померчнело и стало мертвенно-бледным. Зубы Кармиллы были стиснуты, руки тоже, она хмурила брови и поджимала губы. Глядя вниз, в землю, она принялась неудержимо лихорадочно дрожать. Она, казалось, напрягала все свои силы, чтобы подавить истерический припадок, отчаянно борясь с ним; наконец у Кармиллы вырвался низкий конвульсивный крик страдания, и постепенно она пришла в себя.

— Ну вот! Все из-за этих мучителей с их гимнами! — сказала Кармилла наконец. — Держи меня, не отпускаяй. Уже проходит.

И в самом деле припадок постепенно проходил; и, возможно, чтобы рассеять мрачное впечатление, которое на меня произвело это зрелище, она принялась необычайно оживленно болтать; так мы и вернулись домой.

Никогда до этого случая я не замечала у Кармиллы сколько-нибудь явственных признаков той хрупкости здоровья, о которой говорила ее мать. И ничего похожего на раздражение она тоже до сих пор ни разу не выказывала.

И то и другое рассеялось как летнее облачко, и с тех пор только один раз была свидетельницей мимолетного проявления ее гнева. Вот как это случилось.

Однажды, глядя в окно гостиной, мы увидели на подъёмном мосту, а затем и во дворе замка одного хорошо мне знакомого странствующего артиста и шарлатана. Он посещал наш замок обычно два раза в год.

Это был горбун с худыми, резкими чертами лица, обычно сопровождающимися телесной ущербности. Он носил острую черную бородку и широко, до самых ушей, улыбался, показывая белые клыки. Одет он был в желтое, черное и алое, перепоясан

несчетным множеством ремней и ремешков, на которых болталась всякая всячина. За спиной он нес магический фонарь и два ящика: в одном из них, как мне было хорошо известно, помещалась саламандра, а в другом — мандрагора. Эти монстры очень потешали моего отца. Они были составлены из частей обезьян, попугаев, белок, рыб и ежей, высушенных и сшитых воедино с большим искусством, неизменно потрясавшим зрителей. При госте были скрипка, коробка с приспособлениями для фокусов, пара рапир и маски, прикрепленные к поясу. Свисали с него еще и прочие загадочные предметы, а в руках он держал черный посох с медными ободками. Косматая поджарая собака, спутник горбуна, следовала за ним по пятам; внезапно, почувяв что-то подозрительное, она остановилась на подъемном мосту и душевнораздирающе завывала.

Тем временем бродячий артист, стоя посреди двора, приподнял свою причудливую шляпу и отвесил весьма церемонный поклон, рассыпая обильные любезности на отвратительном французском и почти столь же ужасном немецком. Потом он отцепил свою скрипку, начал пикировать веселую мелодию, запел под нее, забавно фальшивя, и принялся с нелепой важностью проворно приплясывать. Это заставило меня рассмеяться, несмотря на завывания собаки.

Затем он приблизился к окну с многократными улыбками и приветствиями, держа шляпу в левой руке, а скрипку — под мышкой, и в плавной безостановочной речи стал пространно прославлять свои таланты, богатые возможности различных искусств, которые он готов поставить нам на службу, любопытные и занимательные предметы, которые продемонстрирует по первому требованию.

— Не пожелают ли ваши милости приобрести амулет против упыря, что, подобно волку, рыщет, сказывают, по здешним лесам? — проговорил горбун, роняя свою шляпу на камни. — Народ, как я слышал, мрет от него направо и налево. А вот амулет — он никогда не подведет. Пришпильте только его к подушке — и можете смеяться упырю прямо в лицо: он ничего вам не сделает, будьте спокойны.

СОДЕРЖАНИЕ

Кармила

Перевод с англ. Людмилы Бриловой..... 5

Пролог	5
Глава I. Детский испуг	6
Глава II. Гости	10
Глава III. Мы сравниваем наши впечатления.....	18
Глава IV. Ее привычки. Прогулка.....	25
Глава V. Удивительное сходство.....	36
Глава VI. Очень странная болезнь	39
Глава VII. Нисхождение	44
Глава VIII. Поиски.....	49
Глава IX. Доктор.....	53
Глава X. Осиротевший	58
Глава XI. История.....	61
Глава XII. Просьба	66
Глава XIII. Лесник	70
Глава XIV. Встреча	75
Глава XV. Суд и казнь.....	80
Заключение	83

Странное счастье сэра Роберта Ардаха

Перевод с англ. Елены Токаревой..... 87

Давний знакомый

Перевод с англ. Людмилы Бриловой..... 112

Пролог	112
1. Шаги	113
2. Наблюдатель	118
3. Объявление	122
4. Бартон беседует со священником	126
5. Бартон излагает свое дело	131
6. Новая встреча	135
7. Бегство	139
8. Умиротворенный.....	143
9. Requiescat	147

Чейплизодские истории о привидениях*Перевод с англ. Людмилы Бриловой*..... 153

Деревенский задира..... 155

Случай с церковным сторожем..... 161

Призрачные любовники 169

Ултор де Лейси. Легенда Капперкуллена*Перевод с англ. Людмилы Бриловой*..... 183

Глава I. Якобитское наследие..... 183

Глава II. Фейри в замке 187

Глава III. Случай со священником в лощине 191

Глава IV. Свет в колокольной башне 194

Глава V. Человек с красной отметиной 196

Глава VI. Голоса 202

Глава VII. Любовь Уны..... 206

Глава VIII. Сестра Агнеса и портрет..... 209

Дух мадам Краул*Перевод с англ. Людмилы Бриловой*..... 212**Ребенок, которого увели фейри***Перевод с англ. Людмилы Бриловой*..... 228**Белая кошка из Драмганниола***Перевод с англ. Людмилы Бриловой* 239**Истории Лох-Гира***Перевод с англ. Людмилы Бриловой*..... 252

Граф-волшебник 255

Происшествие с Молл Райал 258

Банши 260

Сон гувернантки 261

Графский холл 262

Мертвый причетник*Перевод с англ. Елены Токаревой*..... 265**Сделка сэра Доминика. Легенда Дьюнорана***Перевод с англ. Людмилы Бриловой*..... 285**Лора-Колокольчик***Перевод с англ. Наталии Роговской*..... 301

Літературно-художнє видання

Серія «Золоте століття детектива»

ФАНЮ Шерідан Ле
Кармілла
(російською мовою)
Роман

Укладач *О. А. Дидькіна*

Керівник проекту *В. А. Тютюнник*
Відповідальний за випуск *Т. О. Небесна*
Художній редактор *А. О. Попова*
Технічний редактор *В. Г. Євлахов*
Комп'ютерна верстка *Н. А. Кочетова*
Коректор *О. А. Степанова*

Підписано до друку 29.01.2019. Формат 84x108/32. Друк офсетний.
Гарнітура «Literaturna». Ум. друк. арк. 16,8. Наклад 5000 пр. Зам. №

Книжковий Клуб «Клуб Сімейного Дозвілля»
Св. № ДК65 від 26.05.2000. 61140, Харків-140, просп. Гагаріна, 20а
E-mail: corp@bookclub.ua

Віддруковано у ПРАТ «Харківська книжкова фабрика "Глобус"»
61052, м. Харків, вул. Різдяна, 11.
Свідцтво ДК № 3985 від 22.02.2011 р.
www.globus-book.com

Литературно-художественное издание

Серия «Золотой век детектива»

ФАНЮ Шеридан Ле
Кармила
Роман

Составитель *О. А. Дыдыкина*

Руководитель проекта *В. А. Тютюнник*
Ответственный за выпуск *Т. А. Небесная*
Художественный редактор *А. О. Попова*
Технический редактор *В. Г. Евлахов*
Компьютерная верстка *Н. А. Кочетова*
Корректор *О. А. Степанова*

Подписано в печать 29.01.2019. Формат 84x108/32. Печать офсетная.
Гарнитура «Literaturna». Усл. печ. л. 16,8. Тираж 5000 экз. Зак. №

Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга»
Св. № ДК65 от 26.05.2000. 61140, Харьков-140, пр. Гагарина, 20а
E-mail: corp@bookclub.ua

Отпечатано в ПРАТ «Харківська книжкова фабрика "Глобус"»
61052, г. Харьков, ул. Рождественская, 11.
Свидетельство ДК № 3985 от 22.02.2011 г.
www.globus-book.com

УКРАИНА

- по телефонам справочной службы
(050) 113-93-93 (МТС); (093)170-03-93 (life)
(067) 332-93-93 (Киевстар); (057) 783-88-88
- на сайте Клуба: www.bookclub.ua
- в сети фирменных магазинов см. адреса на сайте Клуба или по QR-коду

Для оптовых клиентов

Харьков

тел./факс +38(057)703-44-57
e-mail: trade@ksd.ua

Киев

тел./факс +38(067)575-27-55
e-mail: kyiv@ksd.ua

**Приглашаем к сотрудничеству
авторов**

e-mail: publish@ksd.ua

**Приглашаем к сотрудничеству художников,
переводчиков, редакторов**

e-mail: editor@ksd.ua

Лора з батьком мирно живуть у розкішному замку в Штирії, серед мальовничих австрійських пейзажів. Ніщо не порушує їхній спокій. Тихе життя без суєти — ось усе, про що мріяла родина. Але одного разу в замку з'являється таємнича незнайомка. Вона немовірно вродлива, а в очах її ніби танцюють язички темного полум'я. Гостя назвала-ся Карміллою, графинею Карнштейн. Між Лорою і молодою графинею зав'язується дружба. Згодом батько зауважує, що Лора втрачає життєві сили, її немов спалює із-середини дивна хвороба. Кармілла не відходить від подруги. Але невтішний батько з кожним днем усе пильніше приглядається до загадкової графині, яка принесла горе в їхній дім... Хто вона така? Яку страшну таємницю приховує цей погляд? І про що мовчати червоні, ніби від крові, уста?..

Фаню Ш. Л.

Ф22 Кармила / Шеридан Ле Фаню ; пер. с англ. Л. Брилова, Е. Токарева, Н. Роговская. — Харьков : Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», 2019. — 320 с. — (Серия «Золотой век детектива», ISBN 978-617-12-4727-7)

ISBN 978-617-12-6071-9

Лора с отцом мирно живут в роскошном замке в Штирии, среди живописных австрийских пейзажей. Ничто не тревожит их покой. Тихая уединенная жизнь без суевы — вот все, о чем мечтала семья. Но однажды в замке появляется таинственная незнакомка. Она невероятно красива, а в глазах ее будто пляшут языки темного пламени. Гостя назвалась Кармиллой, графиней Карнштейн. Между Лорой и молодой графиней завязывается дружба. Со временем отец замечает, что Лора теряет жизненные силы, ее словно сжигает изнутри странная болезнь. Кармила не отходит от подруги. Но безутешный отец с каждым днем все пристальнее присматривается к загадочной графине, принесшей горе в их дом... Кто она такая? Какую жуткую тайну хранит этот томный взгляд? И о чем молчат алые, будто от крови, уста?..

УДК 821.111(73)